

III тема: Уроки истории

Народные герои Северной Европы: образ прошлого?

Йонас Ахола

Фольклор хранит память о прошлом. Особой устойчивостью среди фольклорных жанров выделяется сакральный фольклор, поскольку вариации его содержания считаются недопустимыми: сакральный фольклор передает священную истину, и сознательное изменение его содержания кощунственно.¹ Героические традиции близки в этом смысле священной традиции и часто входят в нее составной частью. Поэтому героические традиции могут веками сохранять архаичные черты.²

Героические сказания обычно повествуют об исключительных людях, наделенных положительными и достойными восхищения качествами, чьи деяния отважны и благородны в соответствии с ценностями, признаваемыми сказителем.³

В северных героических сказаниях⁴ представлен и персонаж несколько иного типа.

В русском фольклоре о таких народных героях повествуют эпические песни, называемые былинами. Запись былин началась не ранее 19 века; их исполнителями были неграмотные сельские жители окраинных районов Севера – Сибири и Архангельской Карелии. Однако содержание былин восходит к далекому прошлому.⁵

В так называемом киевском былинном цикле киевские герои превосходят других внешностью и благородством, они в одиночку истребляют чудовищ

и целые рати ради защиты своего народа, которым правит князь Владимир. Большинство записанных былин относится к киевскому циклу.

Новгородский былинный герой **Василий Буслаев**⁶ во многом отличается от героев киевских былин: он изображается себялюбивым, заносчивым, одиноким, весьма дурно себя ведущим и враждебным своим людям.

Эти отличия от «киевского героя» сближают **Василия Буслаева** с другими североευропейскими героическими образами: **Каукомиели**⁷ финской эпической поэзии и **Греттиром Сильным**⁸, о котором повествует исландская сага 14 в. Все эти герои выступают центральными персонажами в посвященных им сказаниях. Их всех можно охарактеризовать как себялюбивых, заносчивых, вызывающе себя ведущих и отвергнутых, враждебных своему народу.⁹

Главными добродетелями героев западноевропейской героической традиции (например, старой Германии, Англии и Норвегии) были отвага, верность и великодушие — качества, ни одно из которых в полной мере не свойственно нашим героям. Отвага, верность и великодушие как добродетели отображают ценности аристократического авторитарного общества, в котором положение лидера основывалось на верности его приближенных.¹⁰ Общества, в которых родились наши герои, были другими.

То, что объединяет новгородцев, финнов и исландцев, отличая их от большинства европейцев, — это неавторитарный тип политической системы, в которой они жили в эпоху викингов, и то, что позднее они были покорены и управляемы иноземными авторитарными сюзеренами.

Исландия знаменита своим древним свободным государством — Исландским Содружеством — с древнейшим в мире национальным парламентом. Страна была подчинена норвежской короне в 1262 г.; сага о Греттире, однако, была записана не ранее первой половины 14 в.

О финском обществе железного века известно мало. По-видимому, в нем не было ни королей, ни аристократии, но существовала некая система народных собраний — вплоть до 13 в., когда шведская монархия, расширив свою территорию и включив в нее сегодняшнюю Финляндию, реорганизовала управление.¹¹

В древнем Новгороде до конца 15 в., когда государство было включено в Великое княжество Московское, политический строй также основывался на системе собраний — «вече».

Фигура мятежного героя могла занять центральное место в местной героической традиции после перехода власти к иностранным правителям.

Финны и скандинавы — среди которых были также исландцы и люди, которые передавали сказания исландцам, — поддерживали в эпоху викингов активные контакты с новгородцами, и сходство героических идеалов могло быть следствием этих связей. Но даже если финны, скандинавы и новгородцы перенимали героические идеалы друг у друга, эти идеалы, чтобы быть воспринятыми, должны были соответствовать системам ценностей народов.

Значительные сходства между культурами предполагают, наряду с культурными контактами, общность систем ценностей.

Стихийно развивающийся общественный строй не только предопределяется окружающей природной и социальной средой, но, согласно теории структурализма, отражает и формирует разделяемые обществом культурные ценности.¹² Можно утверждать, что исполненные индивидуализма эпические фигуры **Василия Буслаева**,

Каукомиели и **Греттира Сильного** возникли в социально однородной среде в эпоху викингов, когда славу и честь можно было добыть не только верностью правителю, но и самостоятельными деяниями. В эпоху викингов новгородцы, финны и скандинавы, в том числе исландцы, поддерживали тесные культурные контакты. Возможно, позднее, в период авторитарного иноземного правления, эти мятежные героические фигуры представляли идеалы славного независимого прошлого этих народов.

Впрочем, фольклорные параллели не могут сами по себе служить вескими доказательствами древних контактов между народами и представлять достоверную информацию о древних обществах — динамичная природа фольклора допускает слишком много отклонений. Скорее, в этих данных следует видеть ориентиры для интерпретаций, вроде подсказок в головоломке, при воссоздании целостной картины североевропейских культур эпохи викингов путем комплексного использования источников ряда дисциплин: археологии, филологии, языкознания и истории.

Как бы то ни было, сходные черты эпических героев свидетельствуют о сходстве ментальных культур определенных североевропейских народов, в представлениях которых крайне индивидуалистичные и мятежные характеры выступали героическими и достойными подражания персонажами.

Примечания

- ¹ См., например: M. Eliade. *The Myth of Eternal Return*. New York: Bollingen/Princeton University Press, 1971.
- ² A.-L. Siikala. *Suomalainen shamanismi*. Helsinki: SKS, 1991; особенно стр. 29-35. В этой работе рассматривается, главным образом, история ментальности и высоких нарративных структур.
- ³ Это определение широко признано и, по словам Кармен Блэкер, выведено из «средневековых рыцарских романов в смешении с оттенками греческой и скандинавской героической литературы». См. C. Blacker. Introduction. In: *The Hero in Tradition and Folklore*. The Folklore Society: Great Britain 1984. P. vii.
- ⁴ X. M. и Н. К. Чедвик очень строго подходят к определению героического сказания: «...героические сказания повествуют, главным об-

разом, о приключениях и отваге героев, тогда как негероические повествования сфокусированы на поступках людей, наделенных сверхъестественной или аномальной силой, или же на судьбах тех, кто навлек на себя гнев (или удостоился милости) сверхъестественных существ или преступил жизненно важные законы или запреты». Н. М. Chadwick, N. K. Chadwick. *The Growth of Literature*. Cambridge: Cambridge University Press, 1986 (1932). Pp. 121-2. В настоящем докладе героическое сказание понимается более широко.

- ⁵ F. J. Oinas. *Russian byliny. Heroic Epic and Saga*. Indiana University Press: Bloomington, 1978. Pp. 235-256, 238.
- ⁶ Английский перевод прионежского варианта см.: J. Bailey, T. Ivanova (ed.). *An Anthology of Russian Folk Epics*. Sharpe: Armonk (NY), 1999.
- ⁷ Английский перевод распространенного варианта поэмы о Каукомиели см.: M. Kuusi

(et al). *Finnish Folk Poetry: Epic*. SKS. Helsinki, 1977. 224-31.

- ⁸ D. Fox, H. Pálsson (transl.). *Grettir's Saga*. University of Toronto Press: Toronto, Buffalo, London, 1974.
- ⁹ J. Ahola. *Two Heroes of Nordic Epics: Kaukomieli and Grettir the Strong*. Неопубликованная магистерская диссертация. Университет Хельсинки, 2000.
- ¹⁰ Н. М. Chadwick, N. K. Chadwick. *The Growth of Literature*. Cambridge University Press: Cambridge, 1986 (1932). P. 74.
- ¹¹ E. Kivikoski. *Suomen esihistoria*. WSOY. Porvoo, 1961. 253.
- ¹² Классической основополагающей работой для всей структурной антропологии является: С. Levi Strauss. *Structural Anthropology*. Anchor Books: New York, 1967.

Из сердца Азии – к порогу Европейской Арктики

Вениамин В. Алексеев

Россия – евразийская держава. Много веков через ее территорию перекачивались волны различных завоеваний. В кровопролитных войнах она теряла население, достижения экономики, темпы прогресса. На рубеже XXI в. ситуация в мире и стране круто изменилась. В этих условиях евразийское положение России может играть важную геополитическую роль, превращаться в мощный экономический ресурс мирохозяйственного значения, прежде всего в формировании трансконтинентальных транспортных коридоров, что становится важнейшей тенденцией нового тысячелетия. Особое значение в этой связи приобретает Российский Север, составляющий после распада СССР 2/3 территории страны и сосредоточивающий основные запасы полезных ископаемых.

Положение на Российском Севере в ходе рыночных реформ крайне осложнилось. С одной стороны, здесь в отличие от центральных районов страны формируется продукция преимущественно реального сектора экономики, Север стал основным поставщиком валютных поступлений для пустой государственной казны. С другой стороны, страна в нынешних условиях не может обеспечить его самые необходимые потребности. Хуже того, северная инфраструктура деградирует на глазах. По оценке академика В. П. Казначеева ее потери уже составили более 500 млрд долларов¹. В результате тысячи людей покидают Север, и без того слабо обжитый. Наибольший отток населения зафиксирован в Чукотском автоном-

ном округе – 53,9%, Магаданской области – 39,2%, Камчатской области – 18,5%; число жителей Таймырского и Эвенкийского автономных округов уменьшилось соответственно на 22 и 28%².

Советская модель освоения Севера перестала соответствовать нынешним реалиям, поскольку он превращается в часть «глобального мира», и его сырьевые источники включаются в технологические цепочки мировой экономики, конкурируют с ней. В этой связи возникает множество трудноразрешимых проблем. Среди них – транспортная. Значительная доля грузопотоков, сформировавшихся в советский период, прежде всего встречные перевозки, оказалась невостребованной в условиях рыночных реформ. Опережающий рост тарифов на транспорте (вдвое по сравнению с общим ростом цен) стал важным фактором снижения конкурентоспособности промышленной продукции. Наряду с недогруженностью широтных железнодорожных магистралей проявляется явная нехватка надежных транспортных артерий меридионального направления, что затрудняет решение проблем социально-экономического развития северных территорий.

С целью преодоления создавшегося положения учеными Сибирского и Уральского отделений Российской Академии наук разработана специальная научная программа «Проблемные регионы ресурсного типа: экономическая интеграция Европейского Северо-Востока, Урала и Сибири»,

в которой представлены цели и условия интеграции сопредельных, но транспортно разобщенных регионов. В качестве основных объектов исследования выбраны проблемные регионы Республики Коми, Свердловской и Тюменской областей, Красноярского края, Ненецкого, Ханты-Мансийского, Ямало-Ненецкого и Таймырского автономных округов, а также Арктический и Транссибирский транспортные коридоры. Проведенные исследования демонстрируют до сих пор редкий в науке глубокий синтез исторического и экономического анализа интеграционных региональных процессов в мощном ресурсно-индустриальном континентальном ядре России. Обстоятельный исторический анализ оказался в высшей степени полезным в структуре этой работы, поскольку исторический опыт и сегодня говорит о реальной подоплеке региональных интересов и особенностей российского пространственного мышления гораздо больше, чем самые смелые, но отвлеченные проекты.

Идея выхода урало-сибирских ресурсов в экономическое пространство Западной Европы восходит к деяниям Петра Великого. Именно тогда уральский металл сыграл едва ли не решающую роль в Северной войне и в выходе России к Балтийскому морю. Уже в 1718 г. из Петербургского порта было вывезено за границу 2 тыс. пудов железа. Во второй половине XVIII в. в Европу ушло 2/3 всей продукции уральских заводов, что имело важное значение для осуществления промышленного переворота во многих европейских странах³. К 1720-м годам относится идея водного сообщения между бассейнами Камы и Вычегды/Северной Двины для вывоза продукции уральских заводов через Архангельский порт в Западную Европу. С реализацией этой идеи связаны строительство и функционирование (1785–1838 гг.) Северо-Екатерининского канала между реками Северная и Южная Кельма. До 1860-гг. сохранило значение и речное сообщение уральских заводов с Архангельским портом по р. Вятке с выходом на Сухону и Северную Двину. В начале 1850-х гг. возникли первые инициативы железнодорожного строительства в Сибири. Построенная в 1891–1904 гг. Транссибирская железнодорожная магистраль сыграла исключительно важную стратегическую и социально-экономическую роль в освоении уникальных природных богатств Азиатской России. Она обеспечила надежную связь с Европейской частью страны и открыла выход к бассейну Тихого океана. С начала XX в. стали возникать проекты

железнодорожного строительства на Севере. В 1906 г. для выхода на западноевропейский рынок предлагался проект Обь-Северной (Полярной) магистрали от Березова (или Обдорска, т. е. Салехарда) через Северный Урал к одной из бухт на арктическом побережье Европейской России, или к Архангельску. Практической реализацией идеи транспортного строительства на Севере стала скоростная прокладка в условиях первой мировой войны Мурманской железной дороги и обустройство морского порта. В результате этих мер удалось существенно продлить навигацию и дублировать замерзающий Архангельский порт⁴. После революционных потрясений, когда молодая Советская республика искала новые контакты с внешним миром, широкие дискуссии велись по проекту Обь-Мурманской линии, соединяющей северные порты Мурманск и Архангельск с Сибирью и Уралом вместе с возможными ответвлениями от нее к удобным для мореплавания пунктам на побережье, таким как Индигская губа. Со временем эта идея трансформировалась в замысел сооружения Великого Северного железнодорожного пути (ВСП), соединяющего будущие порты Ледовитого и Тихого океанов⁵.

Проблемы создания морского порта на Индиге, соединение его железнодорожным сообщением с Уралом и Сибирью активно дискутировалась в 1920–40-е гг. В первой половине этого периода предпочтение отдавалось Архангельскому порту по причине многовекового опыта его эксплуатации, а также ограниченности технико-экономических возможностей страны по созданию дополнительного транспортного узла. При всей предпочтительности Архангельского варианта даже его убежденные сторонники соглашались с тем, что со временем создание морского порта, обслуживающего экспортный потенциал Урала, Сибири и Северо-востока России, станет экономической необходимостью. С началом второй мировой войны повторилась ситуация первой мировой войны. Пришлось срочно искать страховочные варианты и вновь обратиться к идее строительства порта в Индигской губе, что весьма поучительно. Однако построить новый порт и железную дорогу к нему в военных условиях не удалось⁶.

Через полвека новое геополитическое положение России после распада СССР снова поставило ту же проблему. Пришлось обратиться к историческому опыту вековой давности и решать старую задачу новыми методами. Отталкиваясь от предшеству-

ющих проектов, уральские и сибирские ученые предлагают свое решение задачи. Ее организующей идеей является геостратегическое и технико-экономическое обоснование прокладки железной дороги Урал–Коми–Баренцево море (Индига), или Баренцкомур, которая способна не только объединить в мощный макрорегиональный экономический комплекс богатейшие нефтяные и газовые запасы Сибирского Севера, уникальные металлургические производства Урала, рудные, угольные и лесные богатства Республики Коми, но и открыть этим ресурсам прямой кратчайший экспортный маршрут из континентальных глубин Азиатской России к побережью Баренцева моря. Эта дорога, сближая сердце континентальной Азии с Западной Европой, создаст совершенно новую геоэкономическую конфигурацию и межцивилизационную перспективу для того комплекса стратегических проблем, который сегодня характеризуется как «северное измерение» европейской интеграции.

Предлагаемый вариант Баренцкомура (Северного хода) предусматривает строительство недостающей новой железнодорожной линии длиной 412 км между ст. Троицко-Печорск в Республике Коми и ст. Полуночное в Свердловской области с пересечением Уральского хребта. По ней пойдут руды и концентраты с Полярного и Приполярного Урала, бокситы Тимана, уголь из Воркуты, конденсат и нефть из Ямало-Ненецкого автономного округа, лесопиломатериалы, а также миллионы тонн грузов для нефтегазовых промыслов на Ямале. Общая величина экономии на стоимости перевозок по северному ходу до 2030 г. оценивается в 2,23 млрд. долл. в расчете на минимальный объем грузов. В перспективе Баренцкомур станет звеном будущих железнодорожных магистралей соответственно меридиональной Восточно-Уральской и широтной Северо-Российской Евразийской магистрали, которая обеспечит связь портов Баренцева моря (Индига) и Тихого океана (Ванино) и пересечет

многие проблемные регионы ресурсного типа Российского Севера.⁷

В рассматриваемом капитальном труде представлены также другие транспортные, региональные и межрегиональные проблемы северных территорий, в том числе международные транспортные коридоры на территории России. В частности, диагональный транспортный коридор Белое море–Пермь–Оренбург в составе строящейся магистрали Белкомур и по существующим дорогам может получить выход на Финляндию, а позднее в страны Северной Европы, которые, кроме связи с Россией, получают магистральный путь в страны Центральной Азии и далее в Китай или Восточный Иран и Афганистан. Уральский трансконтинентальный коридор Ямал–Центральная Азия пересечет Азиатский континент от Северного Ледовитого океана до Персидского залива⁸.

Примечания

- ¹ Казначеев В. Россия XXI века прирастает приполярными цивилизациями // Человек и Север. 2002. № 1(2). С.20.
- ² Стратегия для России: 10 лет СВОП. М., 2002. С. 738.
- ³ Проблемные регионы ресурсного типа: экономическая интеграция европейского Северо-Востока, Урала и Сибири. Под ред. академиков В.В.Алексеева, В.В.Кулешова и проф. М.К.Бандмана. Новосибирск, 2002. С.22, 26, 27.
- ⁴ Там же. С. 64–66.
- ⁵ Там же. С. 68.
- ⁶ Там же. С. 100.
- ⁷ См. всестороннюю подробную проработку этой проблемы: Проблемные регионы ресурсного типа...С. 212–239.
- ⁸ Там же. С. 242.

Коровы, родня и устойчивое развитие: перспективы исследовательской программы

Сюзан А. Крейт

Как смогли коренные скотоводческие народы перейти от коммунистической инфраструктуры к рыночной экономике? Как эти народы представляют перспективы устойчивого развития для нынешнего и последующих поколений? Эти вопросы легли в основу моей исследовательской

работы в селениях вилуйских саха на северо-востоке Сибири. В начале статьи содержится информация о вилуйских саха и месте проведения исследований, затем излагаются основные результаты исследований 1999-2000 гг., в завершение речь идет о текущем проекте работ.

Figure 1: The contemporary Sakha Republic, above showing its location within the Russian Federation and to the right showing the location of the capital city, Yakutsk, the Viliui River, the Suntar regional center and the two research villages, Elgeeii and Kutana.

Рис. 1. Современная Республика Саха; сверху ее расположение в Российской Федерации; справа — местонахождение ее столицы Якутска и реки Вилюй с районным центром Сунтар и двумя селениями, Элгээйи и Кутана, где проводились исследования.

Рис.2: Алмазный рудник в Мирном

Вилюйские саха проживают в бассейне реки Вилюй на западе Республики Саха. Этот субарктический регион располагается между 62 и 64° с.ш. Ниже, на рис. 1, слева, показана Республика Саха в составе Российской Федерации, а справа – крупномасштабная карта Республики Саха с рекой Вилюй, районным центром Сунтар и двумя селениями, Элгээйи и Кутана, где проводилось исследование.

Тюркские предки народа саха мигрировали из Средней Азии в район озера Байкал около 800 г. н.э., затем в 1300 г. бежали от власти Чингисхана по реке Лене на север, в район нынешнего проживания, принеся с собой культуру коневодства и скотоводства, что сделало их наиболее северной агро-скотоводческой культурой в современном мире.

Вилюйские саха адаптировались к экстремальным природным условиям. Сезонные перепады температур превышают 100°С, от +40°С летом до -60°С зимой. Безветрие и низкая влажность в зимний период помогают легче переносить экстремальный климат. Колебание светового дня в течение

года также достигает максимальных значений – самый короткий день зимой длится 4 часа 14 минут, самый длинный летом – 19 часов 45 минут.

Вилюйские саха постоянно сталкиваются с последствиями загрязнения окружающей среды в результате разработки алмазных месторождений в регионе. На рис. 2 показан один из дюжины алмазных рудников в бассейне Вилюя. В 1950-е годы Советское правительство начало добычу алмазов в бассейне Вилюя. Вплоть до начала 1990-х эти работы велись без какого-либо контроля за состоянием окружающей среды. Это привело к загрязнению питьевой воды, радиоактивным осадкам и значительным переселениям местных жителей.

Места рождения жителей старшего поколения отражают это недавнее прошлое и быстрый переход от рассредоточенного расселения к централизованному хозяйству. Коллективизация вилюйских саха началась в 1920-е гг., достигнув своей кульминации в 1950-е с созданием агропромышленной системы совхозов. На рис. 3 показана территория бывшего совхоза Элгээйи. Кружками обозначены места рождения 54 вилюйских саха

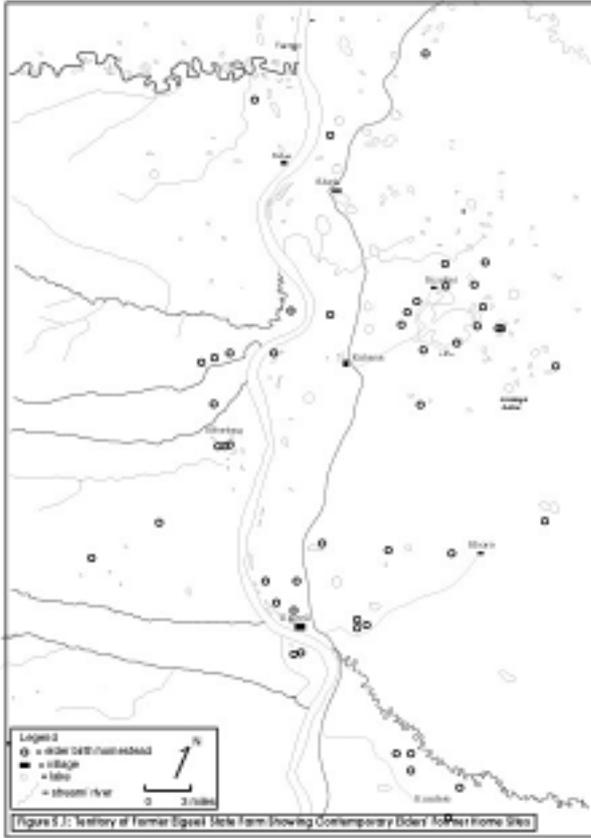

Рис. 3: Территория бывшего совхоза Элгээйи и места прошлого проживания вилюйских саха старшего поколения

старшего поколения. Каждый из них рассказывал о нескольких переездах в ходе коллективизации, предшествовавших окончательному переезду в поселок Элгээйи после завершения формирования совхоза.

Механизмы адаптации вилюйских саха можно понять посредством анализа их экологических, исторических и экокультурных особенностей. Основной вопрос моего исследования: как вилюйские саха приспосабливаются к пост-социалистическим условиям? С развалом Советского Союза они потеряли социалистическую инфраструктуру, которая поддерживала их в советский период. В поисках ответа я провела исследование в двух селениях, используя методы количественного и качественного анализа для изучения производства пищевых продуктов в домашнем хозяйстве.

Я обнаружила, что вилюйские саха смогли адаптироваться благодаря развитию семейной и

межсемейной системы производства пищевых продуктов, которую я назвала “родня и коровы”, т.е. адаптацией, основанной на восстановлении прошлого опыта агро-скотоводческой культуры, возрождении экологической памяти и использовании родовых связей для объединения ресурсов, продукции и труда.

Представьте жизнь этих людей... 80 лет назад они были рассеяны по небольшим селениям и обладали невероятно высоким уровнем адаптации к субарктическим условиям. Представьте, через что им пришлось пройти в советский период – объединение в огромные совхозы и разорение окружающей среды. Затем вся политическая и экономическая инфраструктура рухнула. Как же они адаптировались? Они создали уникальную, основанную на историческом опыте систему семейного хозяйства, экологически безопасную и культурно устойчивую, обеспечивающую производство пищевых продуктов для современного сельского населения вилюйских саха.

Будущее не столь определено. Многие вилюйские саха перешли от централизованной агропромышленности к децентрализованному домашнему производству на основе системы “родня и коровы”. Хотя скотоводство сегодня играет ключевую роль в жизнеобеспечении вилюйских саха, содержание коров в селениях рассматривается многими как несовременный путь развития.

Каково будущее этой модели адаптации в условиях внешнеэкономического давления и глобализации? Заместит ли современная молодежь своих родителей в системе “родня и коровы”, когда придет ее черед? Подобные вопросы занимают местных жителей и широко обсуждаются в дискуссиях о будущем сельских районов Республики Саха. Они и стали темой моего исследовательского проекта “Изучение долгосрочной перспективы выживания селений вилюйских саха: развитие способностей, оценка устойчивости, приобретение опыта”, которому в настоящее время я пытаюсь найти поддержку¹. Основной целью исследования является накопление знаний по оценке жизнестойкости сельских пост-советских агро-скотоводческих сообществ в условиях экономических и экологических преобразований.

Три взаимосвязанных аспекта исследования ориентированы на три различных вопроса (см. рис. 4):

Рис.4: Схематическое представление исследовательского проекта

- Как местное население определяет "устойчивость", исходя из общественных интересов?
- Насколько эти определения устойчивости применимы к развитию семейного и общинного хозяйства в условиях экономических и экологических изменений?
- Какие аспекты традиционных знаний местного населения подкрепляют эти местные определения устойчивого развития семейного и общинного хозяйства?

Кроме того, три взаимозависимых аспекта исследования связаны друг с другом целями проекта:

- модель устойчивого семейного и общинного хозяйства основана на целях общины в контексте экономических и экологических изменений,
- основанные на этой модели политические рекомендации,
- распространение методов и результатов исследовательского проекта.

Первоначальная продолжительность проекта – три года, в течение которых будет продолжаться работа в двух деревнях вилейских саха, Элгээйи и Кутана, а также сбор и анализ данных группой исследователей и местным населением. Кроме того, группа будет сотрудничать с местным населением и специалистами при подготовке выводов и рекомендаций проекта.

В завершение я хотела бы поблагодарить СИФ за возможность приехать в Великий Новгород, а также жителей селений вилейских саха, которые помогли мне провести это исследование.

Примечания

- ¹ После доклада на II СИФ в сентябре 2002 г. я получила трехлетний грант на этот проект от Национального научного фонда (Арктические социальные науки) США.

Искусство и культура как факторы развития северных окраин

Тууликки Карьялайнен

В Новгороде Великом уместно рассказывать северные саги. Для нас, финнов, главными героями старины являются не воины, а – как это часто бывало и в старых северных сагах – мудрые мужчины и мудрые женщины, сильные словом и знаниями. Главный герой финского национального эпоса,

Калевалы, Вяйнямйёнен своим пением и игрой на кантеле мог даже повелевать миром и природой. Песни Калевалы пелись и собирались в окрестностях г. Кухмо. Моя песня и моя сага рассказывают сегодня о магии и воздействии другой музыки северных окраин.

Рис. 1а

Рис 1б

Основание и краткая история Фестиваля

Кухмо – городок в Восточной Финляндии на границе с Россией, приблизительно в 600 км на северо-восток от столицы Финляндии Хельсинки (рис. 1а и 1б: район Кайнуу и Кухмо); он является побратимом карельского города Костомукша. В 1960-х жизнь в Кухмо основывалась на лесном и сельском хозяйстве. Его 15-тысячное население жило по большей части в небольших селениях, разбросанных на 5500 кв. км муниципальной территории. Музыкальные традиции были слабы. Здесь было два любительских хора: церковный хор и мужской хор. Пара аккордеонистов играла на танцах. Музыкальное общество организовывало 3 или 4 концерта классической музыки в год, при этом музыканты приезжали из Хельсинки. Как часто бывает на селе, искусство считалось любительским занятием – не свойственным приличным фермерам досужим развлечением, не имеющим ничего общего с серьезной работой.

В 1970 г. началась история Фестиваля камерной музыки в Кухмо, рожденного идеями и усилиями молодого финского студента-виолончелиста.

Он обнаружил в Кухмо активное музыкальное сообщество, члены которого с энтузиазмом его поддержали. Вначале фестиваль был скромным событием, но с каждым годом рос и расцветал: сегодня он хорошо известен в музыкальном мире и, по словам международных музыкальных критиков, является “одним из лучших, возможно, лучшим фестивалем камерной музыки в мире” (Financial Times 1997). Идея соединить первоклассную музыку с красотой и покоем нетронутой природы показала свою силу. Летом 2002 г. в течение двух последних недель июля 170 музыкантов из разных стран дали здесь 85 концертов. Фестиваль собрал 42000 слушателей. 120 студентов из разных стран участвовали в мастер-классах.

Полезность фестиваля

Три десятилетия ушло на то, чтобы культурная деятельность была признана как профессиональная. Фестиваль в Кухмо помог изменить сложившееся мнение, доказав, что культурная деятельность может быть источником экономических и социальных благ. (Рис. 2: Экономические факты и выгоды фестиваля).

**ФЕСТИВАЛЬ КАМЕРНОЙ МУЗЫКИ В КУХМО
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ФАКТЫ 2002**

ФИНАНСИРОВАНИЕ

Общий бюджет € 800 000

Доходы от продажи билетов	51%
Министерство культуры и образования	19%
Городской совет Кухмо	8%
Спонсоры	11%
Иные доходы	11%

Музыкальные курсы € 85 000

Обеспечивается дополнительно муниципалитетом Кухмо (бесплатно):

* все школьные помещения

* кухня и персонал по уборке помещений

СТОИМОСТЬ ДОБРОВОЛЬНЫХ УСЛУГ: свыше € 170 000

ВЫГОДЫ ДЛЯ КУХМО

- Доход от туризма: приблизительно € 1,5-2,5 млн/фестиваль
- Положительное освещение: 400000 мм газетных полос
- TV и радио программы, выпуски новостей, фильмы, книги, CD
- Маркетинг туризма через структуры фестиваля (в Финляндии и за границей)
- Налоговые поступления от оплаты штата фестиваля
- Центр искусств Кухмо, всего € 7,47 млн.; € 4,15 млн. от центрального правительства, € 0,2 млн. собрано организаторами фестиваля
- Арендные платежи Центру искусств от фестиваля – пригл. €33 000/г

* ОБИЛИЕ ДУХОВНЫХ И СОЦИАЛЬНЫХ БЛАГ – трудноизмеримых, но ощутимых

Рис. 2

Муниципалитет Кухмо вкладывает в Фестиваль около 120 тыс. евро в год, построив прекрасный Центр искусств для концертов Фестиваля и местной культурной жизни в течение года. Это оказалось весьма выгодным капиталовложением, что видно из простого сравнения затрат и выгод. Дух фестиваля помог другим людям и ассоциациям в Кухмо создать и развить новые институты и культурную деятельность. Два института основаны на идеях Калевалы: фольклорный центр Йюминкеко, специализирующийся на культурных

традициях карел и Калевалы, и деревня Калевала, привлекающая внимание туристов, воссоздающая древний образ жизни в эпоху Калевалы. Городской совет Кухмо сегодня считает культуру, особенно музыку, одним из ключевых факторов своей стратегии развития. Десять лет назад Кухмо получил от Министерства образования право на открытие музыкальной школы. Этой осенью Полная средняя музыкальная школа в Кухмо начала специальный цикл программ по музыке.

Искусство, культура и региональное развитие

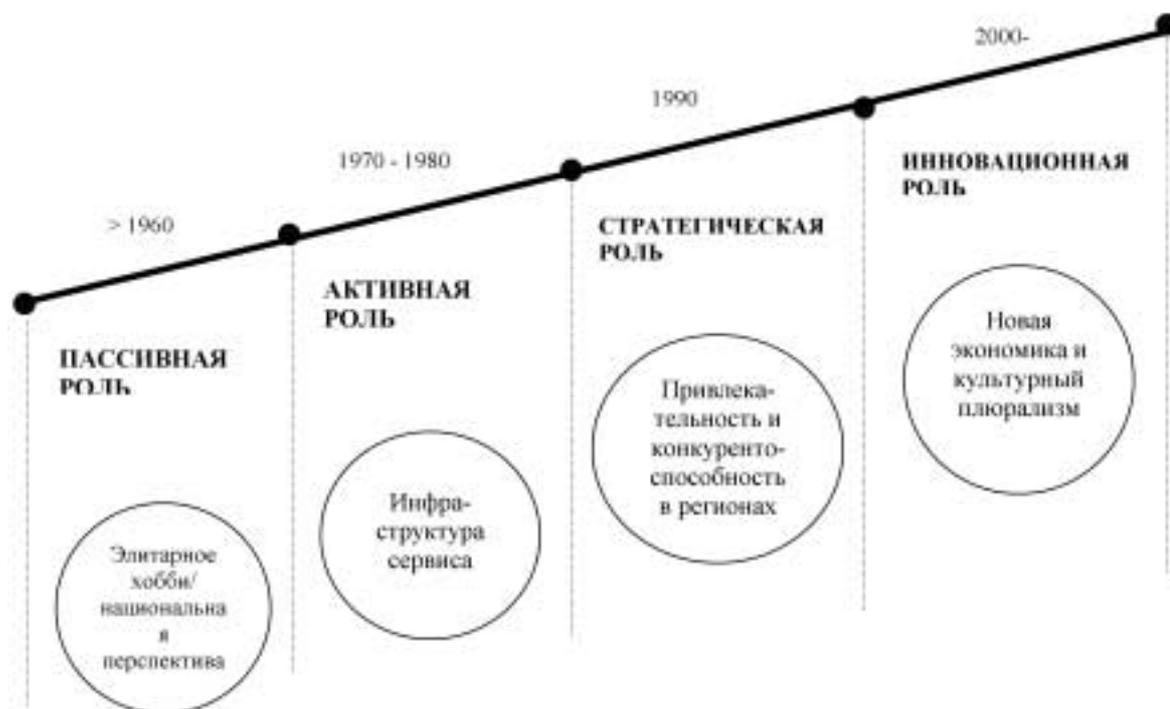

Рис. 3

Тридцать пять лет назад в Кухмо был только один профессиональный “культурработник”, кантор-органист в церкви. Сегодня здесь работают музыканты, исследователи, менеджеры культуры, эксперты музыкальных сетей, специалисты по аудиотехнологиям – небольшое сообщество творческих и заинтересованных профессионалов, создающих новую рабочую среду, обучающих молодежь, готовящих базу для новых предприятий и развивающих международную сеть связей. Богатая событиями музыкальная жизнь течет круглый год.

Перемены не были быстрыми и легкими. “Новая экономика” – творчество, знания, умения, инновации, способность учиться, взаимодействие – может представляться требовательной и отвлеченной. Но по мере ухода в прошлое старых профессий и отношений, новые получают возможность роста.

Кухмо и регион Кайнуу страдают сегодня от жестокой безработицы. Муниципалитеты теряют молодых образованных людей. В Кухмо сегодня живет около 11500 человек. Примечательно, что из всех проектов, программ и официальных инициа-

тив, финансировавшихся центральным правительством, местной и региональной администрацией за последние 30 лет, проявил жизнеспособность только Фестиваль. Это еще раз показывает потенциал третьего сектора: как уже говорилось, Фестиваль родился из персональной идеи и был реализован неправительственной организацией.

Виртуозы – центр мастерства камерной музыки

Последнее детище Фестиваля – Виртуозы, один из 14 центров мастерства, созданных по инициативе правительства Финляндии в рамках Программы центров мастерства (одной из программ регионального развития). В эту программу входят отобранные на конкурсной основе проекты распространения навыков и опыта международного уровня по инновационному использованию высоких технологий. Центр в Кухмо является единственным из действующих центров с художественным содержанием в провинции, за пределами региональных центров.

Базовой идеей Виртуозов является использование культуры как инструмента стратегического развития и синтеза культурного содержания с высокими технологиями. Цели проекта: 1) Создание международного центра ресурсов камерной музыки; 2) Создание предприятий, соответствующих содержанию проекта; 3) Продвижение культурного содержания Северного измерения (см. приложение 1: Виртуозы – Центр мастерства камерной музыки).

С 1999 г. проект пытается создать необходимую базу в регионе и муниципалитете. Это тяжелая, но увлекательная работа. Продвижение идет медленно, но результаты уже ощутимы.

Создание связей в музыкальном мире – основная область, в которой Виртуозы налаживают сотрудничество с российской Карелией. Эта часть проекта в особенности помогает наращивать культурное содержание Северного измерения.

Новая экономика в провинции: проблемы и возможности

В июне 2002 г. национальный комитет обратился к правительству Финляндии с рекомендацией создать Творческое Общество Благополучия и с предложением об увеличении через несколько лет национального бюджета культуры на 0,4% ВВП. Комитет охарактеризовал развитие и роль искусства и культуры в обществе, используя подход, показанный на рис. 3: Искусство, культура и региональное развитие.

Опыт, описываемый в этой статье, согласуется с моделью, представленной на рис. 3. Но когда я показала рисунок специалистам в сфере культуры из стран Восточной и Центральной Европы, они сказали, что культурное развитие в их странах идет в противоположном направлении: от инновационной к пассивной фазе. Несмотря на несовпадение фаз, очевидно, что искусство и культура являются неотъемлемой частью развития. Безусловно, необходимы серьезные дальнейшие исследования для прояснения взаимозависимости между социальными, экономическими и культурными тенденциями, а также роли и значения культурной деятельности.

Профессор Ли Хаски касается в своей работе дру-

гой интересной проблемы об отношениях между окраинами и новой экономикой: высоких технологиях в арктической экономике. Он исходит из того, что периферия может построить технологичную экономику, если предложит квалифицированным специалистам какие-либо особые преимущества, основанные, например, на стоимости энергии или качестве жизни. Наиболее серьезной проблемой здесь является недостаточное многообразие технологий.

Пилотный проект Виртуозы разворачивается преимущественно в сельской местности. Она располагает незначительными материальными и нематериальными ресурсами – необходимые условия нужно создавать. Однако качество жизни в Кухмо более чем среднее: красивая нетронутая природа, интересная культурная жизнь и хороший уровень социальных услуг.

Менеджеры проекта полагают, что в Кухмо можно создать специализированную аудио-индустрию, хотя, конечно, на это уйдет больше времени и усилий, чем в более крупном центре с обилием индустрий. Здесь большая концентрация культурных навыков, идей, опыта и взаимодействия. Содержание уже есть, и это делает ситуацию исключительной. Фестиваль камерной музыки в Кухмо начал свою жизнь 32 года назад при невероятных обстоятельствах: отсутствие концертных площадок, одна маленькая гостиница, молодые неопытные организаторы, никаких денег. В Кухмо мы знаем, что так называемые слабости можно компенсировать творческим решением – создавать новое.

Приложение 1

Национальная программа центров мастерства 1999–2006

14 центров в различных регионах: три из них с культурным содержанием

ВИРТУОЗЫ – ЦЕНТР МАСТЕРСТВА КАМЕРНОЙ МУЗЫКИ

Основные идеи:

- Использование культуры как стратегического инструмента развития
- Соединение культурного содержания с высокими технологиями

Сфера знаний: Камерная музыка

Основные элементы:

- Содержание представлено Фестивалем камерной музыки в Кухмо
- Географические особенности региона
- Информационные технологии

Цели проекта

- Создать международный центр информационных ресурсов камерной музыки
- Создать несколько предприятий, отвечающих содержанию проекта
- Работа по развитию культурного содержания Северного измерения

Направления работы

- Сбор и оцифровка исходных материалов
- Производство содержательной аудио-видео продукции
- Услуги по распространению музыкальных контактов

Клиенты

- Организаторы музыкальных фестивалей
- Профессиональные музыканты
- Музыканты-любители, слушатели
- Родственные отрасли (TV, радио, звукозаписывающие компании и т.д.)
- Школы, студенты, сфера образования.

Книжные викинги: восточные путешествия викингов в литературных описаниях

Эрнольфур Торссон

Хотя из заглавия следует, что мое внимание будет обращено как на восток, где складывались разнообразные и сложные взаимоотношения между викингами и народами территорий, называвшихся Снорри Стурлусоном Великой Швецией, так и на запад, куда также вели исторические пути викингов, исходная точка зрения находится посередине – в Исландии, на атлантическом острове, где плодovитые поэты и сказители десятилетиями и веками творили литературу, ставшую самым прочным памятником золотого века Северной Европы.

Создание памятников было одним из основных побуждений людей эпохи викингов, пусть большинство этих памятников строилось из слов, а не из камня. В «Hávamál» («Речах Высокого»), древней поэме мудрости века викингов, названной в честь самого бога Одина и сохранившейся в исландской рукописи 13 века, одним из основных понятий является *orðstír* – “слава” или “известность”. Достигнутая человеком слава переживает его самого. Известность – долговечное прославление деяний – самое важное в жизни человека, может быть, даже более важное, чем сами деяния. Слава в литературе означала бессмертие. В наши дни это называется успешным имидж-менеджментом, не столь, впрочем, долговечным.

Какие уроки мы можем извлечь из эпохи викингов, как эта история служит укреплению сотрудничества и взаимоотношений на Севере? Как

преодолеть созданный культурными мирами и языками разрыв в оценке древней истории, в которой мы все и каждый по-своему видим наше наследие, с помощью методов различных дисциплин – истории, антропологии, археологии и литературоведения? Как донести эти результаты — через семинары, публикации или, быть может, экспозиции, подобные посвященной викингам впечатляющей передвижной выставке, созданной Смитсоновским институтом, которая за последние два года успешно объехала США и Канаду и завершится в начале следующего года в Миннеаполисе? Это, вероятно, лишь часть вопросов, которые будут обсуждаться на нашем семинаре.

Мы располагаем многообразными свидетельствами источников об эпохе викингов, начавшейся накануне 8 века и закончившейся чуть позже середины 11 века. Это источники двух видов: археологические находки, в том числе надписи на рунных камнях, обнаруженные во многих местах за пределами Скандинавии, и литературные описания, частью современные передаваемым в них событиям, но в большинстве созданные позднее. Некоторые рассказы о викингах составлены свидетелями или жертвами их походов, хроники и летописи часто описывают их набеги и нападения; другие источники составлены заинтересованными наблюдателями, например, известное описание арабским эмиссаром из Багдада Ибн Фадланом своих сношений

на берегах Волги с вооруженными купцами, которых он называл *рус* – откуда, между прочим, пошло название «Русь». В числе прочих событий 922 г. Ибн Фадлан описывает погребальный костер одного из их вождей. О викингах также повествуют высокие литературные произведения, многие из которых были записаны на телячьей коже в 13 веке и позже, но основаны на изустных рассказах и поэмах, хранивших воспоминания об эпохе викингов – впрочем, при передаче из поколения в поколение эти воспоминания приобрели в Исландии особый колорит и форму.

Мы, исландцы, склонны видеть викингов в этом литературном измерении, которое, по выражению великого ученого и переводчика покойного Херманна Паульссона, можно определить как «викинги телячьей кожи» или «книжные викинги». Исландцы – бывшие викинги, чьи подвиги совершались не в действительности, а в великолепных рассказах, охватывающих пределы изведенного мира, и не в настоящем, а в прошлом, что позволяло им в нудной повседневности черпать силы в приключениях своих предков, а заодно и самим греться в лучах их славы. Исландцы сохранили приключенческую память в контексте обширной и непрерывной картины мира викингов как своего рода ностальгию, сформировавшую нашу нацию и ставшую важным основанием ее единства.

В эпоху заселения (870–930 гг.) Исландия стала тихим прибежищем для уставших от походов и боев викингов, которым хотелось осесть и возделывать землю в мире и согласии со своими соседями: можно назвать ее «домом для престарелых викингов». Согласно двум основным произведениям исландской средневековой истории, «Книге о взятии земли» и «Книге исландцев», Исландия была заселена в основном из Норвегии. Имеются, однако, основания полагать, что многие переселенцы какое-то время прежде жили на Британских островах: недавние генетические исследования происхождения исландцев исландского антрополога Агнара Хельгасона показывают, что более 50% предков исландцев по материнской линии и 20% по отцовской были кельтского происхождения; это наводит на мысль, что скандинавы брали с собой в Исландию, волей или неволей, женщин с Британских островов. Обычное объяснение миграции в Исландию, представленное в «Сагах об исландцах», состоит в том, что люди покидали

Норвегию, не в силах дольше выносить тиранию короля Харальда Прекрасноволосого, особенно его налоги: знатные люди желали быть не арендаторами у монарха, а независимыми людьми на своей земле, иметь собственные корабли, как это было у викингов, и владеть своим имуществом так, чтобы король не мог запустить когти в их сундуки. Похоже, Исландия была средневековым «убежищем от налогов», своего рода Каймановыми островами или Монако Севера, по крайней мере до 11 века, когда церковь установила свои сборы.

Викинги, эти скандинавские мореходы, купцы и воины были в известном смысле пионерами северного сотрудничества, от Канады на западе до Руси на востоке, хотя методы, которые они использовали, вероятно, не вписались бы в сегодняшний формат международной дипломатии. Люди с севера проникали на юг, восток и запад, вступая в многообразные контакты с различными нациями и народами. Они оседали и создавали королевства в Британии, Франции и Сицилии, поднимались по великим рекам Руси и участвовали в развитии замечательной городской культуры, служили наемниками в Византии. Они селились на необитаемых островах Атлантики, в Исландии и на Фарерах, создавали поселения в Гренландии, просуществовавшие четыре столетия и бесследно исчезнувшие, и плыли дальше на запад, в Северную Америку, которую они называли Винланд. «Винландские саги» – «Сага об Эйрике Рыжем» и «Сага о гренландцах» – «старейшие письменные памятники, сохранившие свидетельства очевидцев о Северной Америке», как пишет в своей недавно изданной книге Гисли Сигурдссон. Саги, записанные предположительно в начале 13 в., повествуют о походах Лейфа Счастливого, Гудрида Торбьярнардоггир и других пионеров периода около 1000 г. и позднее, о заселении Гренландии, отношениях между североевропейцами и коренными американцами, о попытках поселиться в Новом Свете и рождении там первого европейца, Снорри Торфинссона. Это замечательные саги, сохранившие ядро истины, устно передававшееся из поколения в поколение: воспоминания о регулярных плаваниях между Исландией, Гренландией и Америкой, вдоль восточного побережья Северной Америки на юг, в залив Св. Лаврентия и, может быть, еще дальше; о попытках поселения и стычках с местными жителями, а также о мирных контактах между

совершенно разными культурными мирами. После множества таких путешествий плавания, по-видимому, прекратились, однако невозможно установить дату последней экспедиции североевропейцев из Гренландии в Северную Америку. Исландцам нравится версия, согласно которой Христофор Колумб побывал в их стране в 1477 г., научившись от английских моряков искусству навигации в океане за пределами видимости земли; мы допускаем, что в Исландии он раздобыл морскую карту, которая помогла ему доплыть до цели, хотя эту гипотезу нелегко научно обосновать.

Причины экспансии североевропейцев дискутируются. В качестве одного из объяснений предлагается нехватка земли: младшим сыновьям, после того как старший получал в наследство отцовское хозяйство, приходилось искать землю вдали от дома. Кроме того, викинги строили прекрасные корабли и были отличными мореходами: их суда были равно годны для плаваний через океан и для навигации по озерам и рекам Европы; к тому же, как принято сегодня говорить в деловом мире, внешние условия были благоприятными. Викинги со своими судами и торговлей удовлетворяли спрос рынков в Европе и за ее пределами, вплоть до мусульманских стран, предлагая широкий ассортимент товаров: оружие и мед, рыбу и лошадей, стекло и шкуры, шелк и янтарь — все, что пользовалось спросом. Пересекая границы, разделявшие народы, языки и культуры, викинги открывали или возобновляли торговые пути с запада на восток, с севера на юг и, наконец, из удаленных уголков Атлантики в Европу, доставляя товары из мира инуитов Гренландии и Северной Америки кожи, белых медведей и зуб нарвала, который можно было продать как «настоящий» рог единорога. Исландские ученые выдвинули веские доводы в пользу того, что одной из важных основ экономического благосостояния и расцвета литературной культуры на западе Исландии были контакты с поселениями в Гренландии и ввоз оттуда редких и ценных товаров, которые можно было с большой выгодой продать в Европе.

Здесь, в Новгороде, в эпоху викингов и позже был уникальный торг. Обилие свидетельств экспедиций викингов по великим рекам России показывает, что наша общая история насчитывает более тысячи лет, чему есть немало косвенных подтверждений в исландской литературе, появив-

шейся двести лет спустя. Археологические данные согласуются, хотя и не всегда явно, с сюжетами исландского эпоса. В эпоху викингов Новгород был динамичным центром культуры, учености и торговли, котлом, в котором смешивались всевозможные влияния и движения, создавая неповторимое общество, ставшее впоследствии одним из оплотов крупной державы.

Долгое время скандинавы и их потомки бороздили великие реки, связывающие озера в этом регионе, и вступали в связи с местными жителями; одни торговали, другие отправлялись в поисках приключений или земель для себя, своих семей и своих спутников. Эти люди различными путями влияли на развитие здесь особенного общества; они участвовали в формировании городов и центров, которые донныне играют ключевую роль в регионе. Среди этих городов были Старая Ладога (викинги называли его Альдейгьюборг) на южном побережье Ладожского озера, Новгород и, южнее, Киев.

Новгород или, как его называли викинги, Хольмгард часто упоминается в средневековой исландской литературе, в том числе в «Хеймскрингле» (Круге земном), великой истории норвежских королей, написанной в первой половине 13 века Снорри Стурлусоном, бесспорным мастером средневековой исландской литературы. Русь нередко упоминается и в «Сагах об исландцах и «Легендарных сагах», хотя остается неясным, где именно проходили ее границы в эпоху саг. В «Пряди о Торвальде Путешественнике», жанре, дополняющем традицию саг, повествуется о Торвальде Кодранссоне, который в юности покинул Исландию в поисках приключений. Вместе с датским принцем Свейном Вилобородым он вторгся в Британию, был обращен в христианство в Саксонии, возвратился в Исландию миссионером, затем «отправился путешествовать по свету до самого Иерусалима, чтобы посетить святые места. Он пересек всю греческую империю и добрался до Константинополя». Там его почтил своим вниманием «сам император Константинополя и все его полководцы, а также все епископы и настоятели со всей Греческой [т. е. Византийской] империи и из Сирии. Больше всего его почтили в восточной Балтике, куда его послал император вождем или правителем, поставленным надо всеми государями России и всей Греческой империи». Нельзя быть уверенным, что всё в этом рассказе верно при строгом историческом анализе, однако это

интереснейшее повествование живо рисует мир викингов. Некоторые рассказы об экспедициях викингов в Великую Русь довольно фантастичны: одним из известных примеров тому является «Сага об Ингваре Путешественнике», легендарная сага о путешествиях шведского викинга Ингвара Эймундссона в 1036–41 гг., когда он на 30 кораблях проплыл через Русь в Турцию. Ученые тщательно сверили описание этого путешествия с действительными водными путями вплоть до Каспийского моря, и хотя оказалось, что эта сага носит фантастический характер, в ней могли отразиться воспоминания о реальных событиях, подобно тому, как в «Винландских сагах» отразились воспоминания о плаваниях на запад.

С Новгородом связан важный эпизод жизни Олава Трюгтвасона, впоследствии норвежского короля и христианского миссионера, сыгравшего важную роль в принятии Исландией христианства в 1000 г. Он воспитывался здесь девять лет, попав сюда в 980 г. еще мальчиком, освобожденным из плена в Эстонии одним из сборщиков дани князя Владимира. Он укрылся под защитой княгини после того как убил убийцу своего приемного отца, поскольку в Новгороде второй половины 10 в., как пишет Снорри Стурлусон в „Хеймскрингле“, «мир был настолько священным делом, что по закону любой человек, убивший другого не по решению суда, должен был также быть убит». Любопытно, не был ли Олав обращен в христианство в Новгороде, а если так, то норвежское и исландское христианство может иметь новгородские корни. Гудлейк Русский прибыл сюда в 1017 г. послом от Олава Харальдссона, который только что вступил на норвежский престол, «и купил там славные одежды, предназначая их в церемониальное платье королю, а с ними дорогие меха и изысканную посуду» (Сага об Олаве Святом, бб: 308). В конечном счете эти покупки оказались в руках шведов и послужили сюжетом для другой истории о воздаянии.

Снорри послал сюда своих героев торговать не случайно. Географическое положение Новгорода сделало его настоящим ключом к русским торговым путям, протянувшимся далеко по великим рекам. В одном из рассказов говорится, что здесь торговали, помимо прочего, диковинными товарами из дальних стран: персидским стеклом и китайским шелком, бутылками из исламского мира западнее Каспия, арабским серебром, экзотическими товарами из Индии, редкими пряностями и тонкими

винами. Тысячу лет назад всё это привозилось сюда в Новгород для обмена на оружие, мед, воск и меха, которые продавали новгородцы.

Снорри часто упоминает Владимира, или Валдимара, сына Святослава, который в последней четверти 10 в. сплотил свое государство прочнее, чем это удавалось предыдущим правителям. Обращенный в христианства в 988 г. Владимир принял важное решение о том, чтобы языком церкви был славянский, а не греческий или древнескандинавский. Гораздо более тесные связи со скандинавскими странами поддерживал Ярицлейв – великий князь Ярослав Мудрый (1019–54), известный тем, что в 1030 г. открыл в этом городе первую школу. Ярослав был зятем шведского короля Олава, родственником и одним из самых могущественных сторонников короля Норвегии Олава Харальдссона Святого. Сын Олава Магнус воспитывался при дворе Ярослава и позднее сам стал королем Норвегии. Третьим королем Норвегии стал зять Ярослава Харальд Сигурдарсон, который попал в неплохую компанию, поскольку остальные дочери Ярослава были замужем за королями Венгрии Андреем I и Франции Генрихом I, а четверо сыновей взяли жен из императорских дворов Византии и Германии. Так в первой половине 11 в. каналы влияния из Новгорода широко расходились по миру.

В заключение рассмотрим вкратце судьбу этого зятя князя Ярослава, дающую представление о пределах мира викингов в 10–11 вв. Харальд Сигурдарсон, правивший Норвегией в 1046–66 гг., в сагах именуется Харальдом Суровым и очень подробно описывается в «Хеймскрингле» Снорри Стурлусона. Он был младшим единокровным братом короля Олава Святого и вместе с ним участвовал в битве при Стиклестаде в 1030 г. Олава убили, а Харальд бежал в Швецию, после чего в 1031 г. он повстречался с Ярославом. Снорри говорит, что Харальд прожил несколько лет при дворе Ярослава и «объездил все восточные страны», затем направился со своим отрядом в Грецию, где дошел до Константинополя. В то время Грецией правил Михаил IV Катактус с императрицей Зоей Великой. Харальд поступил к нему на службу в варяжскую гвардию и плывал со своими людьми на галерах. Он командовал отрядом наемников в 1034–43 гг. и прославился во многих битвах в Эгейском море, Малой Азии, Иерусалиме, Африке и Сицилии. В Африке, по словам Снорри, он завоевал 80 городов, захватив большую добычу, золото

и драгоценности. Все, что оставалось от расходов на войну, он посылал «на север, в Новгород в распоряжение и на хранение князю Ярославу, и скопились там огромные богатства, как и должно было случиться, поскольку он совершал набеги в той части мира, что была богаче всех золотом и драгоценностями». В Сицилии он тоже захватил четыре города, и проявил великую проницательность в военных делах. Затем он направился обратно в Константинополь, зайдя по пути в Иерусалим, «и, куда бы он ни пошел в земле иерусалимской, все города и крепости передавались под его начальство», — пишет Снорри. Он совершил омовение в реке Иордан и отдал много денег на содержание Гроба и Креста Господня и других священных реликвий. Когда Харальд в 1042 г. возвратился в Константинополь, он объявил, что хочет вернуться домой в Скандинавию. Императрица Зоя, разгневанная этим известием, добилась, чтобы греческий государь (им был теперь Константин IX Мономах) бросил его в темницу. Харальд отплатил тем, что бежал из заточения, повел свою варяжскую гвардию на императора и ослепил его. Затем он вернулся в Новгород, где Ярослав тепло встретил его, а на следующую зиму 1043–44 гг. выдал за него свою дочь Елизавету.

Основанный на «Хеймскрингле» Снорри Стурлусона портрет Харальда, очевидно, возвеличен сверх меры и преднамеренно преисполнен значения. Однако во многом он находит подтверждение в других источниках, например в «Книге советов императору», написанной по-гречески в годы правления византийского императора Михаила VII (1071–78) или Алексея I (1081–1118). Один из советов — ставить на высокие должности только иноземцев королевской крови — проиллюстрирован рассказом о заслугах, оказанных императору Византии Харальдом Суровым и его варяжской гвардией:

«Аральт [Харальд] был сыном короля Варангии. У него был брат Юлав [Олав], который после смерти своего отца занял отцовский престол, признав своего брата Аральта вторым после себя лицом в управлении королевством. Аральт

же, будучи юношей, пожелал отправиться преклонить колена перед блаженным василевсом Михаилом Пафлагонянином и увидеть ромейские порядки. Привел он с собой и войско, пятьсот отважных воинов. И так, он прибыл, и василевс принял его как положено, затем отправил Аральта с его войском в Сицилию (ибо там находились ромейские военные силы, ведя войну на острове). Придя туда, он совершил великие подвиги. Когда Сицилия была подчинена, он вернулся со своим войском к василевсу, и тот почтил его чином манглавита [„носящий пояс“ — знак чести]. После этого произошел мятеж Деяна в Болгарии, Аральт участвовал в этом походе вместе с василевсом, имея при себе свое войско, и в борьбе с врагами совершил дела, достойные его благородства и отваги. Император, покорив Болгарию, возвратился домой. Впрочем, сражался и я тогда за василевса по силам своим. Когда мы прибыли в Месину (?), василевс, награждая Аральта за то, что он участвовал в войне, почтил его титулом спафарокандидата [„командир отряда“ — почетное звание]. После смерти императора Михаила и того его племянника, который унаследовал ему [Михаила Калафата], Аральт просил при Мономахе разрешения вернуться домой на свою родину, но этого ему позволено не было, и вместо того ему на пути были поставлены препятствия. Все-таки он ушел тайком и стал королем своей страны вместо своего брата Юлава».¹

Это частное сравнение показывает, насколько плодотворным может быть изучение исландских источников наряду с различными синхронными документами из других, отдаленных стран Европы и Азии.

Примечания

¹ Gwyn Jones. *A History of the Vikings*. Oxford 1984, 405.

